

УДК 94:314.15-054.73(=162.1):94(476.2)"1939-1941"

Беженцы из Польши в БССР на Гомельщине (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)

Д.М. Толочко

В статье рассматривается проблематика беженцев из Польши на Гомельщине в сентябре 1939 – июне 1941 гг. Автор приходит к выводу, что для многих польских беженцев, прибывших в регион, приспособление к советской действительности проходило очень сложно. Это объяснялось тем, что местные власти не смогли обеспечить всех нуждающихся работой по специальности, жильем, средствами к существованию. Как следствие имели место такие факты, как бегство беженцев в оккупированную Германией Польшу, антисоветские высказывания.

Ключевые слова: продовольствие, трудоустройство, беженцы, граница, промтовары, размещение.

The problems of refugees from Poland in the Gomel region in September 1939 – June 1941 are discussed. The author concludes that for many Polish refugees who arrived in the region, adaptation to Soviet reality was very difficult. This was explained by the fact that local authorities could not provide all those in need with work in their specialty, housing, and livelihoods. As a result, there were such facts as refugees fleeing to Poland occupied by Germany, anti-Soviet statements.

Keywords: food, employment, refugees, border, manufactured goods, accommodation.

В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. Последнее, в свою очередь, оказалось лишь фрагментом огромного комплекса сложных и драматических событий, связанных с началом второй мировой войны. Среди этих событий и драма беженцев из Польши, хлынувших на восток в сентябре 1939 г. и оказавшихся на территории Советской Беларуси. Накануне Великой Отечественной войны эти люди оказали значительное влияние на формирование здесь социально-политической и социально-экономической ситуации.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. И хотя после ввода советских войск на территорию Польши 17 сентября 1939 г. значительная часть потока повернула в Румынию и Литву, мощный приток беженцев в Западную Беларусь и Западную Украину привел к значительному увеличению численности населения в этих регионах.

В сентябре 1939 г. войска Красной Армии, как правило, не препятствовали переходу беженцев на советскую сторону. Можно полагать, что военное командование Красной Армии просто не имело инструкций на этот счёт. Ситуация коренным образом изменилась в октябре 1939 г. 1 октября 1939 г. части Красной Армии получили приказ, в котором предусматривалось «не пропускать беженцев с Запада» [1, с. 364]. Более того, беженцы с германской стороны стали квалифицироваться как нарушители границы, и советские пограничные части стали задерживать этих людей. Большинство нарушителей границы были осуждены Особым совещанием на 3 года заключения. Несмотря на это, беженцы продолжали, хотя и в меньшем количестве, нелегально прибывать на территорию Западной Беларуси вплоть до конца года. Это объяснялось тем, что на протяжении сентября–декабря 1939 г. перейти советско-германскую границу особой сложности не представляло. Только в конце февраля 1940 г. в специальной телеграмме на имя И. фон Риббентропа и В.М. Молотова руководители немецкой и советских делегаций по проблеме советско-германской границы сообщили об окончании процесса её демаркации [2, с. 62].

Сведения об общей численности беженцев, оказавшихся к декабрю 1939 г. на территории Западной Беларуси, противоречивы. Существующие в белорусской и зарубежной историографии суммарные оценки разнятся от 70 до 130 тысяч человек. По нашим подсчётам к концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши [3, с. 23].

Подавляющее большинство из них составляли представители еврейской национальности. Следующую наиболее значительную национальную группу беженцев составляли поляки. Уже в начале сентября 1939 г. правительство Польши начало проводить массовую эвакуацию гражданского населения на восток страны. Следует отметить, что отдельные беженцы-поляки сознательно скрывали свою национальность. Они хорошо понимали, что документальное свидетельство польского происхождения ничего другого, кроме проблем и опасности для жизни, принести не может.

Кроме того, беженцы нередко пытались скрыть свою национальность, социальную принадлежность. В тех условиях это не составляло большого труда, так как большинство беженцев не имели никаких документов вообще [4, л. 14].

Вопрос о размещении и устройстве беженцев первоначально находился исключительно в ведении администрации новых областей Западной Беларуси. Руководство БССР вовсе не придавало этим вопросам должного значения. Так, 4 октября 1939 г. во время совещания руководства республики с председателями временных управлений Западной Беларуси секретарь ЦК Компартии Беларуси Пантелеймон Пономаренко указал, что беженцы будут сами «рассасываться по Западной Беларуси...» [5, л. 19].

Однако местные власти не могли оставить без внимания столь большие группы людей. Для решения вопроса с беженцами в городах и областных центрах Западной Беларуси были созданы специальные местные комиссии, которые, однако, не имели ни сил, ни средств для решения проблемы. Сложность ситуации создала как местная гражданская администрация, так и командование воинских частей, которые дислоцировались в Западной Беларуси. Они неоднократно пытались воздействовать на республиканское руководство для того, чтобы переместить часть беженцев за пределы перенаселенной Западной Беларуси.

Наконец, 14 октября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло решение обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой разместить на территории восточных областей Беларуси 20 тысяч беженцев.

Заручившись поддержкой Центра, белорусские власти создали специальную комиссию под председательством Горина, которая должна была организовать общий учет беженцев, проследить за перемещением части из них в восточные области республики, за их расселением и трудоустройством. Однако, несмотря на принятые меры, руководство восточных областей БССР (особенно Витебской, Гомельской и Могилевской областей) не спешило приступить к реализации этих программ, и в эти регионы беженцы, во всяком случае, в официальном порядке, вовсе не переезжали.

Так, уполномоченный ЦК КП(б)Б в Гомельской области по проверке размещения беженцев Дегтярев отмечал в докладной: «...Гомельский ОК КП(б)Б от организации приема и размещения беженцев самоустранился. Вся работа передовверена работникам оргкомитета и горкома КП(б)Б. В состав областной правительственной комиссии от обкома никто не введен» [3, л. 1]. В докладной записке от 21 октября 1939 г. в ЦК КП(б)Б от председателя комиссии по размещению беженцев Горина указывалось, что по Гомельской области никакой подготовительной работы по приему беженцев проведено не было.

Такое игнорирование решений руководства вызвало недовольство белорусского ЦК партии, указавшего в специальном постановлении 25 октября 1939 г., что «в результате политической и бюрократической беспечности, председатель по размещению беженцев в БССР т. Горин не выполнил указание ЦК КП(б)Б о немедленном развертывании работ по отбору, размещению, перевозке, оказании помощи беженцам, находящимся на территории Западной Беларуси...». ЦК КП(б)Б не только пригрозил членам комиссии наказанием, в случае, если ситуация с переселением и размещением беженцев не изменится в ближайшее время к лучшему, но обязал руководителей всех восточных областей БССР создать собственные специальные комиссии по приему и трудоустройству беженцев [6, л. 87].

Результаты постановлений не замедлили сказаться. Уже 27 октября 1939 г. в города восточных областей Беларуси прибыли первые 2722 человека. На трех пограничных станциях Негорелое, Радошковичи, Крулевщизна, через которые проходило переселение беженцев, были организованы пункты обмена польских злотых на советские рубли. Каждому семейному разрешалось обменять 40 злотых, холостым – 20 злотых. Нуждающимся оказывалась материальная помощь в размере: семейным – до 100 рублей; холостым – до 25 рублей.

Несмотря на усилия комиссии, на местах постоянно возникали трудности, связанные как с нежеланием местной бюрократии принимать беженцев или помогать им, так и с несогласованностью действий различных ведомств и организаций. В Гомельской области были случаи, когда беженцам выдавались недоброкачественные продукты питания (гнилой картофель, вместо гороха выдавался семенной материал). Временами власти не обращали внимания на отсутствие у беженцев элементарных санитарных условий, да и не считали должным прилагать усилия, чтобы оказать им медицинскую помощь, или предоставить больным более легкую работу. В Скрыгаловском сельском совете Мозырского р-на из-за плохого качества жилья появились вши и др. [7, л. 273–274], [8, л. 321].

К 14 ноября 1939 г. вывоз беженцев из Западной Беларуси был прекращен. По сведениям властей в регион прибыло 5 771 человек (в Гомельскую область – 4 145; Полесскую – 1 626). Одной из главных проблем, с которой столкнулось руководство на местах, было трудоустройство беженцев. Трудоустройство беженцев было затруднено из-за полного несовпадения интересов беженцев и потребностей местной администрации в трудовой силе. Более всего власти нуждались в сельскохозяйственных рабочих, в то время как большинство беженцев были рабочими, кустарями, немало среди них было предпринимателей, представителей творческих профессий и пр. Распределить всех прибывших в соответствии с их квалификацией и специальностью местные власти чаще всего были просто не в состоянии. В результате многие беженцы оказались на низкооплачиваемых подсобных работах. Так, большинство прибывших в Гомельскую область портных и сапожников были устроены на разгрузку камня.

Трудности устройства беженцев и снабжение их продовольствием, одеждой и другими самыми необходимыми предметами, особенно многодетных семей возникали как из-за острой нехватки средств, так и из-за использования их не по назначению. Например, в Домановичском р-не Полесской области около половины всех отпущенных средств были использованы на подарки и другие цели, в то время как дети некоторых беженцев остались без обуви, одежды и не могли посещать школу [9, л. 29]. В докладной уполномоченного ЦК КП(б)Б в Гомельской области по проверке размещения беженцев указывалось следующее: «Облпромторг, Облпищеторг, Транторгпит и др. торгующие организации области стали на формальный путь по вопросу снабжения и продажи беженцам продуктов и товаров, требуя от Оргкомитета и Обкома специального решения по данному вопросу, тогда как многие беженцы выходили на работу в рваных туфлях и без верхней одежды».

Среди обывателей эти люди нередко воспринимались как нахлебники, которые не хотят работать, а требуют предоставления им квартир, создания хороших бытовых условий и т. д. В этой связи органы НКВД БССР регулярно отмечали высказывания подобные на заявление колхозника Головача в кругу других колхозников: «Кто-то воевал и голову положил, и когда потребуется оказать какую-либо помощь колхознику, то ему нет, а как евреи, то все переехали в Советский Союз, им выдают пособия, предоставляют работу, в колхоз ни один не пошел, это все на нашу шею; колхозник должен хлебом всех кормить...» [10, л. 6].

Жалобы беженцев на плохие условия зачастую просто игнорировались. Так на возмущение по поводу плохого питания заведующий учебной частью по подготовке механизаторских кадров Полесской области ответил: «Если вам плохо, уезжайте домой». В другом случае беженец-рабочий, пожалившись директору Мозырской ГЭС на невыплату заработной платы в течение 1,5 месяцев, из-за чего не было даже денег на пропитание, услышал: «А для чего вам кушать, можно и без этого обойтись» [8, л. 321].

Часть устремившихся на советские территории польских беженцев, особенно левой ориентации, верила в тот счастливый образ жизни, о котором столько твердила советская пропаганда. Советская пропаганда и позже старалась преподнести впечатления беженцев о жизни в СССР в самых радужных тонах. В Бобруйской газете «Комунист» было опубликовано письмо беженца И. Вайнарта, в котором он выражал свою радость от приезда в СССР: «...Несколько дней тому назад я приехал в город Бобруйск, где поступил на работу в швейную артель «Прогресс». Сюда поступили еще два моих товарища... Нас радостно встретили, и сразу же мы ощутили себя, как в родной семье. Нам оказывают всяческую помощь, учат работать, обеспечили квартирами...» [11, с. 2].

Однако по мере знакомства с реалиями жизни в СССР все более возрастало удивление и разочарование беженцев. Большинство из этих людей никак не могли понять, почему, вопреки советской пропаганде о радостной и счастливой жизни в СССР, в советских магазинах нет самого необходимого, почему в стране такая низкая заработная плата, почему ответственные работники относятся к ним с подозрительностью, называя «иностранными специалистами»?

Недовольство жизнью в Советском Союзе росло, и уже в начале декабря 1939 г. НКВД фиксировало среди беженцев высказывания такого рода: «Встречали нас здесь хорошо, но сейчас становится плохо»; «Здесь в Советском Союзе все дорого, а у нас в Польше было достаточно разной мануфактуры и продуктов. У вас в клубе очень грязно, а у нас в клубе было чисто и красиво»; «У нас в Польше можно было купить за 2 злотых брюки, а в Советском Союзе я должен ходить в рваных брюках и купить негде»; «Я не привык к такой грязной работе, я в Варшаве работал на заводе, на чистой работе – заготовщиком, а здесь – что это за работа»; «Мы не думали, что здесь так живут, хорошо живет тот, кто имеет блат» и т. д. [12, л. 282–283].

Первоначально многие беженцы все проблемы по их приему и трудоустройству, плохим обеспечением питанием и самым необходимым связывали с нерадивостью и нерасторопностью местных начальников. Однако постепенно они начинали сознавать, что это часть общей картины жизни населения в Советском Союзе.

Ощущали они и повышенную к ним подозрительность со стороны властей и местной администрации, нередко именно с этим связывая отказы их трудоустройства по специальности. Так рабочий пивзавода г. Мозыря беженец Фингергард заявил: «Беженцам в Советском Союзе нет доверия, пожалуй, им доверия никакого не будет». Нередко местная администрация пользуясь безысходностью положения беженцев, а возможно и относившаяся к ним враждебно, сознательно и во много раз занижала оплату их труда по сравнению с местными жителями [13, л. 95–98].

В марте–июле 1940 г., согласно материалам НКВД, высказывания среди беженцев становятся более резкими, некоторые из них уже открыто заявляют о своем нежелании работать на низкооплачиваемых работах, например, в колхозах. Кроме того, часть беженцев устремилась назад в Западную Беларусь, либо старались в стихийном порядке перебраться в другие места, устроиться на другие работы, что многим удалось. К 7 февраля 1940 г. около 300 беженцев, направленных в Гомельскую или Полесскую области, исчезли с мест их «приписки», часть бежала в Западную Беларусь, на Украину, другие в остальные регионы Советского Союза, часть через Западную Беларусь опять в Польшу, оккупированную Германией. Из них, более 90 % бежавших с мест, в которые они были направлены, были евреи; по специальности большинство из сбежавших были рабочими, кустарями, людьми, не имевшими определенной квалификации [14, л. 273].

К концу 1940-х – началу 1941 г. бегство среди беженцев продолжалось. Их можно было встретить в Смоленске, Брянске и других городах СССР, куда они отправлялись в поисках работы. Те из них, кто остался, обустроивались, обзаводились семьями, пытались приспособиться к советской действительности.

К концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши. Решение о трудоустройстве и размещении беженцев из Польши принимала высшая партийная инстанция – Политбюро ЦК ВКП(б). Это мероприятие должно было ослабить тяжёлую социально-экономическую, санитарно-эпидемиологическую обстановку в Западной Беларуси. В течение второй половины октября 1939 г. – начала ноября 1939 г. в восточные области республики было направлено 23 602 беженца. В том числе на Гомельщину порядка 5771 человек. Для многих из них приспособление к советской действительности проходило очень сложно. Это объяснялось тем, что местные власти не смогли обеспечить всех нуждающихся работой по специальности, жильем, средствами к существованию. Как следствие имели место такие факты, как бегство беженцев в оккупированную Германией Польшу, антисоветские высказывания и др.

Литература

1. Głowacki, A. Sowietci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej Polskiej? 1939–1941 / A. Głowacki. – Wyd II. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. – 695 s.

2. Азриэли, Д. На шаг впереди. Мемуары: 1939–1950 / Д. Азриэли. – Иерусалим : Яд Вашем, 2002. – 175 с.
3. Толочко, Д.М. Количество и состав беженцев из Польши на территории Беларуси (сентябрь–декабрь 1939 г.) / Д.М. Толочко // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 21–27.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 41. – Д. 195. Докладные записки о размещении беженцев из Западной Беларуси (октябрь 1939 – ноябрь 1939 г.).
5. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1748. Стенограмма совещания председателей Временных управлений Западной Беларуси (октябрь 1939 г.).
6. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 3. – Д. 869. Протоколы заседаний Бюро ЦК КП(б)Б.
7. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1681. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД (сентябрь 1939 – октябрь 1939 г.).
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 128. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (декабрь 1939–1940 г.).
9. Лазько, Р.Р. Паход Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 г.: погляд з Усходу / Р.Р. Лазько // Беларускі гістарычны сшытак. – 2000. – № 13. – С. 21–32.
10. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 41. – Д. 177. Информационные сведения о размещении беженцев из Западной Беларуси по Витебской области (октябрь 1939 – ноябрь 1939 г.).
11. Ильенкаў, В. Трыумф Савецкай улады / В. Ильенкаў // Комуніст. – 1939. – 6–7 лістапада. – С. 2.
12. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 64. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (сентябрь 1939 – декабрь 1939 г.).
13. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 2075. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД БССР (январь 1940 – февраль 1940 г.).
14. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1682. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД (ноябрь 1939 – декабрь 1939 г.).

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 24.01.2020